

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Наталья Александрова

ПОЮЩАЯ РАКОВИНА ОДИССЕЯ

Однажды Одиссей нашел
на далеком острове
поющую раковину,
в которой был
заключен дух нимфы.
Этот артефакт
помог герою
победить своих
врагов...

Артефакт & Детектив

Наталья Александрова

Поющая раковина Одиссея

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Поющая раковина Одиссея / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2024 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-210552-4

Однажды герой Троянской войны Одиссей нашел на далеком острове поющую раковину, в которой оказался заключен дух морской нимфы. И не просто нимфы, а дочери Посейдона. С помощью этой раковины Одиссею удалось спастись от козней злой колдуньи... В наши дни Марина отправилась в долгожданный отпуск, но с самого начала путешествие принесло одни неприятности. Возлюбленный Глеб не поехал, а Марина оказалась впутанной в криминал. В заброшенном отеле ей чудом удалось спастись от врагов, и в этой ей помогла найденная морская раковина... Читайте новый захватывающий детектив Наталии Александровой!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-210552-4

© Александрова Н. Н., 2024
© Эксмо, 2024

Наталья Александрова

Поющая раковина Одиссея

© Александрова Н.Н., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Перед лицом Марины промелькнула какая-то тень, едва не задев ее.

Марина вздрогнула и попятилась.

– Мышь, – проговорила совсем рядом Ариадна.

– Мышь? Какая мышь?

– Летучая! Сейчас их время!

Действительно, теперь, когда глаза Марины привыкли к темноте, она увидела, что вокруг то и дело стремительно проносятся маленькие крылатые существа.

– Сейчас их время! – повторила Ариадна. – Их и наше... – и она засмеялась хрустально, переливчато, словно рассыпала ворох серебряных колокольчиков.

Казалось, новая Маринина знакомая действительно ночное существо – она двигалась в темноте легко и грациозно, как кошка, появлялась то слева, то справа от тропинки. Ее воздушное платье струилось и развевалось, отсвечивая тусклым серебром в лунном свете. Иногда оно легко всплывало над землей – как будто для Ариадны не существовало силы земного тяготения.

Во всем этом было какое-то древнее ночное волшебство, и Марина даже не пыталась ему противиться, она послушно шла за своей новой знакомой...

Слева доносилось глубокое и ровное дыхание – это дышало во сне море.

Справа и впереди темнела какая-то бесформенная громада.

К ней-то они и приближались.

Ариадна снова возникла из темноты, взмахнула рукой:

– Вот туда мы и идем!

– А что это?

– Старый заброшенный отель. Назывался «Далмация»...

Теперь из темноты выступила полуразрушенная каменная стена в человеческий рост.

Впереди в этой стене были ворота, с массивными каменными столбами по сторонам. На левом столбе восседала высеченная из камня сова, правый пустовал.

Сами створки ворот были сломаны, между ними вполне можно было пройти – и Ариадна прошла, точнее проплыла, в последний момент обернувшись и взмахнув рукой, – догоняй!

Марина прошла между створками и оказалась в ночном саду.

И тут же вздрогнула: ей показалось, что по сторонам дорожки неподвижно стоят какие-то люди, неодобрительно и неприязненно смотрят на нее...

В это время луна выскользнула из облаков и залила сад своим таинственным светом. И в этом свете девушка поняла, что те, кого она приняла за обитателей ночного сада, – это всего лишь статуи, тут и там расставленные среди деревьев.

Впереди, в глубине сада, возвышалось огромное и таинственное здание, оно смотрело на Марину глазами готических окон, по углам виднелись остроконечные башни.

Тут снова прямо перед лицом Марины пролетела летучая мышь – так близко, что Марина отчетливо увидела ее злобную и уродливую мордочку.

Марина попятилась, ахнула от неожиданности...

– Что там у тебя? – раздался впереди голос Ариадны.

– Ничего... мышь...

– Не обращай внимания! Они совершенно безобидные, хотя и страшноватые на вид...

Впереди развевались лунным серебром лепестки Ариадниного платья. Ариадна шла, точнее – плыла, в бездонную темноту, к ночной громаде заброшенного дома.

Вот она всплыла на крыльцо, снова обернулась и махнула рукой – не отставай!

– Подожди... – испуганно проговорила Марина, – может быть, не надо входить внутрь?

– Надо, надо! Там – самое интересное!

Марина хотела остановиться, повернуть назад – ей не хотелось входить в этот ночной загадочный дом – но еще меньше хотелось остаться одной в этой ночи, где Ариадна чувствовала себя как дома...

Она еще мгновение колебалась – и наконец решилась – и пошла по тропинке к крыльцу отеля. По сторонам этой тропинки росла густая высокая трава, из которой доносился шорох, словно там шла своя ночная озабоченная жизнь.

Марина подошла к каменному крыльцу, поднялась по нему.

В трещины между камнями пробивалась упорная трава. Дверь отеля была полуоткрыта.

Марина проскользнула внутрь...

Сквозь высокие стрельчатые окна проникал волшебный лунный свет. Полосы этого света падали на пол, выложенный черными и белыми плитами.

– Ариадна! – окликнула Марина свою провожатую.

Та не отозвалась – точнее, вместо нее на несколько голосов отозвалось истомившееся от одиночества эхо.

И тут Марина увидела впереди женский силуэт, словно сотканный из серебряных нитей лунного света.

– Что же ты молчишь? – проговорила она с легкой обидой в голосе и пошла навстречу.

Она пересекла холл, подошла к силуэту...

И застыла в нескольких шагах от него.

Это была не Ариадна.

Перед Мариной была молодая женщина с удивительно знакомым лицом... Это лицо смотрело на Марину словно сквозь зеленоватую толщу воды, будто эта знакомая незнакомка лежала на дне речного омуты и звала Марину к себе...

Марина испуганно попятилась, и женщина в омуте тоже отстранилась от нее...

«Господи, – спохватилась Марина, – да это же я!»

Она едва не рассмеялась.

Надо же, испугаться собственного отражения в зеркале!

Действительно, перед ней было огромное зеркало в резной позолоченной раме. Зеркало помутнело от времени, местами амальгама была повреждена, потому и казалось, что отражение выглядывает из-под воды...

Марина огляделась.

Гостиничный холл лунной ночью казался особенно большим и таинственным. И Ариадны в нем не было.

Надо же, привела ее сюда – и пропала!

В прятки она, что ли, играет? Что за детство!

Марина позвала ее – вполголоса, потому что ей как-то неловко и даже страшно было будить спящие в отеле призраки прошлого:

– Ариадна! Аня!

В ответ – ни звука.

Она позвала громче, настойчивее...

Ей снова ответило эхо, но потом послышался какой-то невнятный отклик в дальнем конце холла.

Марина пошла на этот голос, пошла по черно-белым плитам, залитым серебряными лужицами лунного света.

В конце зала была открытая дверь, за ней – коридор.

В конце коридора мелькнула тень, Марине показалось, что она увидела развевающиеся шелка Ариадны, и она устремилась вдогонку...

Марина пошла по этому коридору, настороженно всматриваясь в обманчивую, волшебную тьму, перемежающуюся текучими серебряными струями лунного света, настороженно вслушиваясь в тишину огромного пустого дома.

Впрочем, тишина эта была тоже обманчивая, кажущаяся, сквозь нее то и дело доносились какие-то невнятные шорохи, постукивания и потрескивания, и даже какой-то едва слышимый таинственный шепот – словно старый отель бормотал во сне, а может быть, что-то хотел рассказать своей легкомысленной гостье.

Старый отель едва слышно звучал, как звучит огромный музыкальный инструмент в руках опытного настройщика или как звучит оркестровая яма перед началом концерта...

В какой-то момент Марина расслышала сквозь эти таинственные звуки едва различимый женский голос.

Она подумала, что ее зовет Ариадна – а кто же еще? – и пошла за этим голосом...

Она свернула в другой коридор, открыла одну дверь, другую... перед ней оказалась просторная комната, из которой на нее неодобрительно смотрело женское лицо, выхваченное из тьмы серебряным потоком лунного света.

На этот раз Марина не поддавалась обману лукавой темноты.

Она внимательно взглядела в это лицо...

Нет, это было не отражение в зеркале – лицо во тьме ничуть не было похоже на нее. Строгий взгляд, высокие скулы, четкие темные линии густых бровей, глубокая складка у переносицы...

Это лицо не было знакомо Марине.

Она подошла чуть поближе, взглядела и поняла, что на этот раз на стене перед ней висит большой женский портрет.

Надо же, отель давно заброшен, но в нем еще остались зеркала и даже картины... И никто на них не позарился. Ну да, говорили же ей, что здесь преступности почти нет, такая уж страна.

Впрочем, этот вопрос сейчас мало занимал Марину.

Ей уже надоело блуждать по ночному отелю, Марина была сыта сегодняшними приключениями, ей хотелось вернуться в свою собственную гостиницу, в свой уютный номер, в свою

постель. А Ариадна... если ей так нравятся ночные прогулки, пусть ищет себе другого попутчика или гуляет в одиночестве, вообще пусть делает что хочет.

Марина вернулась в коридор, огляделась и с удивлением поняла, что не помнит обратную дорогу.

Она пошла наугад, открыла одну за другой несколько дверей, прошла через анфиладу пустых темных комнат, вышла в очередной бесконечный коридор...

Кажется, здесь она уже проходила. Она уже видела эту нишу, по сторонам которой сохранились две колонны в продольных бороздках-канелюрах.

На стене рядом с нишей кто-то криво, неровно написал: «Сколько можно?»

Действительно, сколько можно бродить по этим безлюдным коридорам?..

Марина огляделась, толкнула очередную дверь, прошла еще одну комнату, другую, третью, повернула направо, оказалась в коридоре, затопленном лунным светом, прошла по нему...

И снова увидела ту же нишу, те же две колонны.

Марина могла бы подумать, что это еще одна такая же ниша, но всякие сомнения отпали, когда на стене рядом с нишей она прочитала знакомое:

«Сколько можно?»

Приходилось признать очевидное: она заблудилась.

Главное – не впадать в панику!

Отель не так уж велик, это не лабиринт Минотавра, выход должен найтись, если искать его спокойно и планомерно.

Марина снова пошла по коридору, стараясь внимательно запоминать свой маршрут.

И вдруг в дальнем конце этого коридора она увидела знакомый силуэт, окутанный струящимися шелками.

– Ариадна! – окликнула она, невольно приглушив голос, чтобы не потревожить спящий дом.

Ариадна ничего не ответила, но она поманила Марину плавными, призывными движениями рук, а потом беззвучно открыла дверь – и исчезла за ней...

– Да что же это такое... – пробормотала Марина, – что за странные игры...

Она все же пошла к той двери, за которой только что исчезла Ариадна, но когда до этой двери осталось всего несколько шагов, справа из-за другой, неплотно прикрытой двери донесся какой-то едва слышный голос.

В этом голосе был такой безнадежный, отчаянный призыв, что Марина отбросила всякие сомнения и шагнула навстречу этому голосу...

На этот раз она оказалась в небольшой комнате, это был какой-то салон или гостиная.

В этой комнате никого не было. Никого – и ничего. Или почти ничего.

Во всяком случае, мебели здесь почти не осталось – валялось два-три ломаных стула с гнутыми ножками, диванный валик, да стоял в углу маленький комодик с потрескавшейся крышкой, на которой лежала морская раковина. Крупная раковина с нежной и женственной перламутровой изнанкой.

И тут Марина снова услышала тот призывный, отчаянный зов. Он доносился именно оттуда, где лежала эта раковина.

Марина подошла к комоду и осторожно взяла раковину в руки.

Она вспомнила, как когда-то давно, в детстве, мамин брат дядя Толя привез с юга такую же раковину. Ну, или почти такую же...

Он сказал тогда Марине: «Поднеси раковину к уху, и ты услышишь шум моря. Он живет там, внутри»...

И сейчас она снова поднесла раковину к уху...

Конечно, она не рассчитывала услышать волшебный голос моря, голос своего давно растаявшего детства. И она не услышала его – вместо этого она услышала женский голос, который пел удивительную, волшебную песню...

Голова Марины закружилась, перед ее глазами поплыл сладковатый туман.

Усилием воли она сбросила это гипнотическое оцепенение, вышла из комнаты, сжимая раковину в руке.

Она снова была в том же коридоре, в нескольких шагах была та дверь, перед которой совсем недавно показалась ей Ариадна в своих струящихся, летящих шелках.

Показалась, чтобы поманить Марину, позвать ее за собой – и скрыться за этой дверью...

Марина шагнула к двери, потянулась, чтобы открыть ее, – и вдруг раковина в ее руке издала мучительный, тревожный стон. Стон, какой издает лопнувшая скрипичная струна.

Марина удивленно взглянула на раковину.

Ее перламутровая изнанка засветилась вдруг болезненным ярко-розовым светом.

Марина поднесла раковину к уху – и ей послышался едва различимый шепот:

– Не ходи туда!

– Не ходить? Но почему? – проговорила Марина, понимая, что выглядит глупо, разговаривая с морской раковиной. Впрочем, кто ее сейчас видит?

А из раковины снова донесся шепот:

– По крайней мере, будь осторожна!

Марина пожала плечами, но все же открыла дверь. Осторожно, как и обещала...

И неожиданно из-за двери ей в лицо ударил порыв ветра и донесся ровный, глухой гул.

Марина осторожно, как и обещала, заглянула за дверь...

И тут же невольно отпрянула.

За дверью была не очередная комната, не коридор. За дверью была пропасть.

Осторожно придерживаясь рукой за дверной косяк, Марина выглянула еще раз.

Она не ошиблась – за дверью была пропасть, на дне которой бесновались белопенные волны прибоя, дробя и расшатывая огромные камни и обломки скалы.

Марина похолодела.

Она представила, что могла шагнуть туда, вперед, за эту дверь – и рухнуть в пасть пропасти, на скалы.

От нее осталось бы только кровавое месиво...

Но как же Ариадна?

Ведь она видела ее окутанный шелками силуэт перед этой дверью, видела, как, поманив ее, Ариадна шагнула за дверь...

Или она действительно умеет летать? Или Марине все это только померещилось?

Марина взглянула на раковину, словно ждала от нее ответа.

В самом деле, ведь это раковина предупредила ее об опасности!

Теперь ее изнанка больше не горела тревожным розовым светом, она, как прежде, была нежно-перламутровой.

Марина машинально поднесла раковину к уху – и снова услышала нежный и печальный женский голос, выводящий прекрасную и таинственную мелодию...

«Иди... – пел голос, – иди-и...»

Ясно, что нужно отсюда уходить, знать бы еще куда.

И вдруг в голове у Марины сам собой возник путь, который ведет к выходу из разрушенного отеля.

Держа в руках раковину, она пошла обратно по коридору, затем свернула совсем не туда, куда поворачивала раньше, потом уперлась в лестницу и пошла по ней, осторожно нащупывая ступеньки, хотя на самом деле не боялась ни упасть, ни споткнуться. И точно, все обошлось, и она оказалась у двери, которую толкнула, и та открылась и вывела Марину прямо в сад –

запущенный, заросший. С этой стороны здания не было статуй и неработающих фонтанов, зато была довольно ровная тропинка, которая привела Марину к берегу моря. А там уж видны огни ее гостиницы.

Марина поднялась по широким ступеням и оказалась в холле гостиницы. Народу не было, еще бы, такой прекрасный вечер, тепло, но не жарко, море спокойное, отдыхающие все разбрелись по прибрежным барам и сидят там, притопывая в такт музыке, а кто просто гуляет вдоль берега, глядя на светящееся море.

Привычно кольнуло сердце: и она могла бы сейчас сидеть там, на берегу, и теплый ласковый ветерок обвевал бы разгоряченное тело, и музыка была тихая, сладкая, что-нибудь итальянское, они обязательно выбрали бы бар с тихой музыкой, и не было бы там шумных компаний, и девчонки не визжали, а сидели бы только пары. Влюбленные пары, те, кому хотелось побыть вдвоем. Только вдвоем.

Марина потрясла головой, чтобы отогнать грустные мысли. Сейчас у нее другие заботы.

За стойкой скучала полноватая портье. Ага, это русскоговорящая, уже хорошо. Марина могла бы с ней объясниться по-английски, но лучше так.

– Чем могу помочь? – слова были вежливые, а взгляд сонный, усталый, равнодушный.

– Скажите... – Марина помедлила, – а женщина такая... – она покрутила руками вокруг себя, что должно было означать, что платье на женщине было воздушное, струящееся. А может, и не платье, а какая-то бесформенная кисея... Марина плохо разглядела в полутьме. Если честно, то она и лицо своей новой знакомой не разглядела. Как только пыталась присмотреться, та сразу же отворачивалась или вообще уходила в сторону. То есть случайно, конечно, но все же...

Теперь во взгляде портье проступило недоумение.

– Так что вы хотели?

– Женщина из этой гостиницы, ее зовут... Ариадна! – вспомнила Марина. – Она сказала, что приехала три дня назад.

– Минутку! – портье повернула к себе монитор. – Я проверю... так... простите, но в гостинице нет женщины с таким именем. Вы ничего не путаете?

Очень не понравился Марине ее взгляд, который из удивленного перешел в подозрительный. Того и гляди спросит: «А вы сами-то кто? Документы у вас имеются?»

– Простите... – Марина сделала над собой усилие и натянуто улыбнулась, затем, вроде бы невзначай, достала из кармана ключ от номера, всегда лучше избежать неприятных вопросов. – Кажется, я все напутала. Наверно, она из другой гостиницы. Разговорились случайно, знаете, как бывает в отпуске...

– Говорите, приехала три дня назад? – портье смотрела на экран монитора. – Но три дня назад у нас вообще не было заезда. Заезд был позавчера, когда вы...

– Да я знаю, – на этот раз Марина резко ее оборвала. – Говорила уже, что мой друг задерживается, он прилетит позднее.

И поскорее ушла, чтобы не видеть понимающей улыбки портье.

В номере она уселась на кровать и еще раз перечитала сообщение Глеба.

«Прости меня, любимая, но завтра я никак не смогу прилететь, Андрюша еще очень слаб, я не могу его оставить. Свяжемся позже. Не звони, в реанимации не разрешают пользоваться мобильными телефонами».

«Вот так, – подумала Марина, – завтра он тоже не прилетит». Значит, она прилетела позавчера, он с ней не летел, позвонил накануне и сказал, что на работе нужно что-то сделать.

Это займет буквально один день, и он уже поменял билет. Так что они встретятся прямо там, на месте, она придет в себя после перелета и будет ждать его, веселая и отдохнувшая.

Она согласилась, а что было делать?

И вот вчера вместо любимого человека она получила от него сообщение, что у него заболел сын и что он должен дожидаться какой-то определенности. И когда она позвонила, он ответил, запыхавшись, что везет сына в больницу и что потом перезвонит.

Не перезвонил.

Не перезвонил, а только вечером прислал сообщение, что сын очень слаб... и так далее, смотрит выше.

Марина поскорее отложила телефон как можно дальше, потому что ей захотелось бросить его на пол и растоптать ногами в порошок. А потом разбить что-нибудь стеклянное, или завывать в голос, или биться головой о стену.

Она тут же усмехнулась горько: никогда она так не делала и не сделает, просто понятия не имеет, как это делать. Вот так вот вдруг устроить истерику?

И что толку? Все равно он не прилетит завтра. И кто знает, сколько еще времени его сын будет в реанимации, и вообще непонятно, что с ним такое, Глеб ничего не написал.

«Это какой-то злой рок, – подумала Марина скорбно, – это сама судьба не хочет, чтобы мы с Глебом были вместе».

Господи, как же она устала прятаться, выбирать уединенные кафе и рестораны, оставаться одной в праздники и выходные.

«Ты знала, на что шла, – говорила мать, изредка осведомляясь, как у нее дела на личном фронте (именно такое выражение она всегда употребляла). – С женатым человеком всегда так, уж я-то это хорошо понимаю».

У нее самой много лет был роман с женатым мужчиной, который не привел ни к чему.

«Любовь, – говорила мать с неистребимой ненавистью, – от такой любви одни неприятности. Из-за этой своей неземной любви я лишила тебя отца».

Марина только плечами пожимала.

Отец она не помнила, они с матерью развелись, когда ей было три года. И мать бесконечно твердила, что ее муж был полным ничтожеством и как отец – пустое место. Так что Марина потихоньку уверилась, что это наверняка так и есть, тем более что отец не делал никаких попыток с ней увидеться.

С матерью они тоже не были особо близки, мать была занята своими сложными отношениями с женатым любовником, Марина часто жила у бабушки, потом бабушка умерла, оставив ей крошечную квартирку. Полторы комнаты, как говорила бабушка.

Марина надолго запомнила радость в глазах матери, когда та узнала, что Марина окончательно переезжает. Мать неоднократно давала понять, что дочка мешает устроить ей личную жизнь.

Марина видела этого типа, не то чтобы часто, но несколько раз в детстве и в юности. Потом мать уже не показывала ему взрослую дочь, она зло щурилась, провожая Марину к бабушке.

Да не больно-то и хотелось, этот тип был Марине глубоко неприятен. Даже в подростковом возрасте она понимала, что он обманывает и мать, и свою жену, обманывает много лет и ничего не собирается менять, ему так удобно жить.

Ее матери понадобилось лет пятнадцать, чтобы до нее дошло наконец очевидное, после чего она возненавидела своего любовника и начала всячески его поносить. К счастью, Марине уже не пришлось это слушать.

Она жила своей жизнью, работала, отремонтировала квартиру, развлекалась по мере возможностей, была у нее парочка ничего не значащих романов, пока она не встретила Глеба.

Вот тут-то все и началось.

Любовь... Любовь накрыла ее очень быстро, она ничего не успела про Глеба узнать. А когда узнала, что он женат, было уже поздно, она не нашла сил от него отказаться. Тем более что Глеб уверял, что его развод – это только вопрос времени.

«Все они так говорят», – бросила мать, когда узнала про Глеба.

Ей не понадобилось много времени, чтобы определить, что он женат, Марина ничего ей не говорила.

«Женатого сразу видно, – вздохнула мать, – уж мне ли не знать. Послушай меня хоть раз, не повторяй моей ошибки, брось его! И чем быстрее ты это сделаешь, тем лучше».

Они поругались, причем так здорово, что мать была в шоке. Она не ожидала от тихой и спокойной дочери таких слов. И Марине даже не было стыдно потом.

Мать позвонила сама через пару месяцев. Сказала, что выходит замуж. Не по любви, а просто нашелся приличный надежный человек, с которым можно состариться. Вдовец, и небедный, кстати. Свадьбы, естественно, не будет, поэтому Марине можно не беспокоиться насчет поздравлений и подарков.

«Что касается тебя, – добавила она, – то жизнь твоя, живи как хочешь. Только не беременей, уж это точно лишнее».

Тут мать с Глебом были вполне солидарны, он тщательно следил, чтобы не было, как он говорил, никаких неприятностей.

Они с Мариной встречались у нее, причем он никогда не оставался на ночь (а ты чего ждала?). Иногда он звонил домой, выходя на балкон, чтобы не разговаривать при ней.

Дело кончилось тем, что узнала соседка, а от нее весь дом, что Марина крутит с женатиком.

Собственно, ей было наплевать, но соседи знали еще бабушку, так что послать их подальше она не могла.

Глеб не жаловался ей на жену, просто сказал, что они совершенно разные люди и брак их давно уже дал трещину и держится только благодаря сыну. Марина знала, что ему плохо в семье, что он буквально задыхается там, и старалась держать себя в руках – не капризничать, не злиться, не дуться. Пусть он знает, что она всегда ему рада, что она примет его любого...

Но все же было тяжело без него.

И вот Глеб сам сказал, что у него могут быть две свободные недели и они смогут полететь куда-нибудь отдохнуть. Только вдвоем. На две недели к теплему морю...

В первый момент Марина не поверила своему счастью. Но это было еще не все. Потом, сказал Глеб, по возвращении, он снимет квартиру, с женой был уже предварительный разговор, она не против.

Она нашла путевки, относительно недорогие, она так готовилась к этой поездке, так мечтала, как они будут только вдвоем...

С путевками ей повезло. Она так редко куда-то ездила, что не было у нее на примете никакой хорошей турфирмы. А Глеб сказал, что он очень занят перед отпуском, столько дел нужно закончить, и чтобы она все организовала сама.

Так что она сунулась в первую попавшуюся фирму, что находилась рядом с ее офисом. Неправильно, конечно, поскольку девчонки заходили туда частенько, и у кого-то наверняка найдутся там знакомые. Узнают, что она брала две путевки, что едет с мужчиной, пойдут разговоры. То есть дело-то обычное, но не для нее, Марины.

Она тщательно скрывала Глеба от всех знакомых, да он и сам не хотел светиться, никогда не встречал ее после работы.

Они вообще редко куда-то ходили вместе, он приезжал к ней в квартиру, причем сначала и машину ставил в стороне, потом, когда весь дом узнал про то, что он женат, уже не было нужды шифроваться и тащиться пешком два квартала.

Так что Марина сунулась в соседнюю турфирму, как она считала, пока на разведку. Узнать цены на билеты и на гостиницу, прикинуть их с Глебом возможности.

Уж такую-то информацию ей дадут. А потом можно идти в другое место. Но тянуть тоже не стоит... В глубине души, как Марина сейчас понимает, она просто боялась, что Глеб не то что передумает, но что-то им помешает.

Как выяснилось буквально три дня назад, не зря она боялась, так и вышло.

А тогда она робко вошла в совершенно пустое помещение, и даже колокольчик при входе звякнул так тихо и стеснительно, что никто не отреагировал на его звон. Однако когда Марина вдоволь налюбовалась на красивые плакаты с изображением тропических островов, висевшие на стенах, и подошла к столу, на котором скучал уснувший компьютер, она услышала голоса.

Голоса были женские, и доносились они из-за занавески, что скрывала небольшую нишу, в которой, как поняла Марина, находились кофеварка, холодильник, крошечный столик и две табуретки. У них в офисе тоже была такая ниша.

Марина потянула носом. Кофе уже не пахло, стало быть, две дамы уже напились кофе и теперь просто болтают. Да, пожалуй, нужно ей уходить, ясно, что дела в этой фирме идут ни шатко ни валко и ничего путного ей не предложат.

Стул скрипнул, и из-за занавески выглянула сотрудница турфирмы. Марина не была с ней знакома, но видела несколько раз в соседнем кафе и в торговом центре.

Очевидно, та тоже узнала знакомое лицо, так что спросила довольно приветливо, что, собственно, Марине нужно. А когда услышала про путевки, то едва не рассмеялась и замахала руками:

– Что вы, что вы! В сезон, а вы хотите лететь через месяц? У нас ничего нет на такие сроки, да я вам больше скажу: вы нигде ничего не найдете! Нет, есть, конечно, дорогие отели, но... – она очень выразительно посмотрела на Марину, и та подумала, что если бы у нее были деньги на дорогой отель, она бы в этот гадюшник, считающийся турфирмой, и носу не сунула. Так что совершенно незачем этой девице так на нее смотреть, да еще и улыбаться презрительно.

Однако она поскорее опустила глаза, чтобы сотрудница ничего не прочитала по ее лицу. Ее слова ничего не значат. Откуда она знает, что путевок нигде нет? Уж как в этой фирме работают, Марина прекрасно видит: она полчаса ждала, пока эта корова от кофе оторвется и вспомнит о работе.

Тут бумажная занавеска, скрывающая нишу, чуть шевельнулась, кто-то покашлял там, внутри.

– Минутку, – сказала сотрудница, – я сейчас вернусь.

И скрылась за занавеской, откуда тотчас послышался еле слышный шепот.

Марина повернулась, чтобы уйти. Крик сотрудницы настиг ее у двери.

– Пойдите! – она бежала за Мариной следом. – Я, кажется, нашла для вас горящую путевку. Все именно так, как вы хотели, вот цена, и выезд через три недели.

– Но мне нужны две путевки! – напомнила Марина.

– Ах так... – сотрудница снова скрылась в нише, пошептала там и вышла, – думаю, что смогу что-то для вас сделать... так сказать, в порядке исключения.

Марина ушла, не выкупив путевку, зачем ей одна-то?

И не успела она обратиться в другие турфирмы, как буквально на следующий день позвонила эта самая сотрудница, представилась Натальей и сообщила радостным голосом, что расстаралась для нее по-соседски и что можно выкупать две путевки, только быстрее, потому как долго придерживать она их не может. И Марина полетела в турфирму и заплатила собственной карточкой. А Глеб не смог полететь с ней и теперь вот тоже задерживается.

Марина очнулась от грустных мыслей.

– Я не стану себя жалеть! – сказала она вслух. – Ничего страшного не случилось. Глеб прилетит, обязательно прилетит, и мы еще успеем отдохнуть, у нас впереди десять дней.

Время было позднее, и она решила, что самое разумное – это лечь спать и не думать больше ни о чем. И про сегодняшний случай в заброшенном отеле тоже не думать.

Хотя как-то это все странно...

Сегодня после ужина она вышла на улицу и задержалась на пороге, перечитывая сообщение Глеба. Пришло оно, как раз когда подали горячее, так что пережаренная курица встала в горле колом, а от десерта Марина вообще отказалась.

Она вдохнула свежий морской воздух и почувствовала, что сейчас упадет вот тут, прямо на ступеньках.

– Эй, ты чего? – ее окликнула женщина в странном развевающемся платье.

Было такое впечатление, что одежда струится вокруг нее, заворачиваясь в спирали и клубясь.

Марина помотала головой, и эффект пропал. Женщина поманила ее к себе на скамейку. Дрожащими руками Марина спрятала телефон в сумочку.

Женщина откинула голову, закурила тонкую темную сигарету и протянула Марине пачку.

– Возьми, – сказала она, – помогает успокоиться.

Марина вообще-то не курила. То есть когда-то очень давно, в подростковом возрасте, а потом редко, на посиделках с подружками. И хотела сейчас отказаться, но рука сама взяла сигарету. И затяжка получилась глубокая.

Сигарета была странная, дым пахнул незнакомо. Но голова у Марины не кружилась, а только перед глазами была легкая пелена.

Они посидели немного, глядя на море, и на Марину снизошло если не спокойствие, то умиротворение. Сообщение Глеба отошло далеко на задний план. Мысли в голове шевелились слабо, медленно, как сонные рыбы в аквариуме.

– Ну, тебе лучше? – осведомилась соседка, окинув Марину долгим внимательным взглядом.

– Да вроде бы... – медленно ответила Марина.

– Тогда давай знакомиться! Я тоже тут живу, три дня назад приехала, – сообщила женщина и представилась Ариадной.

– Надо же, – слабо удивилась Марина, – какое имя...

Ариадна засмеялась грудным смехом и сказала, что можно звать ее Аней для простоты.

– А давай прогуляемся! – предложила она заговорщицким тоном. – Я такое место знаю – ты никогда такого не видела.

Марина хотела отказаться, но представила, что будет сидеть в номере и бесконечно перечитывать сообщения Глеба или же гулять вдоль моря по променаду одна, как полная дура, – и согласилась.

И вот что вышло из этой прогулки. Хотя что такого случилось? Ну, эта Ариадна, если, конечно, она на самом деле Ариадна, а не Аня или Маша, так вот она – дама экстравагантная, одни ее одеяния чего стоят. Наверно, решила приколоться над первой попавшейся дурочкой. Одинокой дурочкой, если быть честной с самой собой. Надо же, заманить в какой-то разрушенный отель...

Марина вспомнила, как открыла дверь и стояла над бездонной пропастью. Ведь она могла грохнуться туда, вниз, и тогда... Никакого «тогда» бы не было.

Снова у нее затряслись руки. Чтобы как-то их занять, она взяла раковину, которую нашла в отеле.

На этот раз в ушах не звучал ни стон, ни голос. Там было ровное дыхание моря.

Прислушавшись, Марина различила шум набегавших волн, и звук этот убаюкивал и успокаивал.

Она с трудом заставила себя раздеться и крепко заснула.

Марина проснулась оттого, что услышала чей-то голос.

– Вставай! – проговорил кто-то очень знакомый. – Вставай, уже много времени! Вставай, пора в школу.

Ага, значит, это бабушкин голос...

– Ну, еще немножко, ба, еще минутку... – жалобно забормотала Марина и тут же проснулась окончательно, вспомнив, что давно уже не ходит в школу, а бабушки уже нет на свете.

Она проснулась, но еще какое-то время не могла понять, где находится.

Комната была незнакомая, незнакомая постель...

Память возвращалась постепенно.

Марина вспомнила, что находится сейчас в приморской гостинице, что находится там одна, потому что Глеб все еще не приехал...

А потом вспомнила вчерашний вечер и странную женщину в развевающихся шелках, со странным именем Ариадна... вспомнила, как Ариадна привела ее в заброшенный отель, а сама исчезла...

Все это было так странно, так неправдоподобно, что Марина подумала: наверняка это ей приснилось. Спала так крепко, от морского воздуха такой сон напал...

Конечно, это был сон...

Удивительно подробный, реалистичный, яркий, наполненный деталями, но – сон.

В жизни такого просто не бывает...

Она приподнялась на кровати – и тут на прикроватной тумбочке увидела красивую, изящно изогнутую морскую раковину с нежной перламутровой изнанкой.

Ту самую раковину, которую она нашла в своем сне...

Значит, это был не сон. Значит, это правда, что она была в том отеле. Пошла туда вечером с незнакомым человеком, потому что была на грани отчаяния из-за того, что Глеб снова не прилетел.

Она потянулась к телефону. Ничего, кроме вчерашнего, больше никаких сообщений от Глеба.

Она перечитала еще раз. Ну да... Андрюша слаб, я не могу его оставить... Не звони.

Во всех сообщениях он просил ее не звонить. В реанимацию – нельзя, но не сидит же он все дни и ночи в реанимации?

Насколько Марина знала, туда вообще не пускают. Переживает за сына... что ж, это понятно, но...

Она все-таки позвонила. Ответил издевательский женский голос, что телефон выключен или находится вне действия сети. Выключил телефон, чтобы не ругались врачи и медсестры?

Внезапно она жутко разозлилась. Какого черта? Ведь он сам предложил ей поехать в отпуск к морю!

Ведь она и думать не смела о таком! Правда, путевки нашла она, предложили со скидкой, только нужно было выкупить как можно скорее. Она позвонила ему, изложила ситуацию. Выкупай, сказал он, я тебе потом на карточку деньги переведу.

Не перевел, тут же убедилась она, проверив свой счет в банке. До поездки все как-то ее отвлекало. Они и виделись-то гораздо реже, чем обычно, Глеб говорил, что много работы, хотел закончить проект до отпуска.

Она посчитала про себя – получалось, что виделись-то всего три раза. Когда были в турфирме с паспортами, потом зашли пообедать, и только было Марина хотела спросить насчет денег, как нате вам, пожалуйста, появилась Женька Коноплева!

«Привет, – говорит, – подружка, как поживаешь, давно не виделись!»

Точно, Марина хотела сказать, с самого окончания школы не виделись, да и в школе не больно дружили. Но неудобно стало вдруг ни с того ни с сего на человека набрасываться.

Хотя Женька всегда была девка противная. Такая вся из себя, считалась первой красавицей в школе. Куда Марине за ней, да не больно-то и хотелось.

И Женька на нее внимания не обращала. А тут вдруг сама подошла, чуть обниматься не полезла, за стол к ним подседа без приглашения. Ну, пришлось Марине ее с Глебом познакомиться.

И потом стало не до разговоров, потому что Женька всю беседу на себя перевела. Оказалось, стала она блогершей, да так успешно, что больше пятидесяти тысяч подписчиков.

Марина из вежливости поинтересовалась, о чем Женька пишет в своем блоге.

«О разном всяком, – сказала Женька, смеясь, – можешь ссылку посмотреть».

«Надо больно», – подумала Марина, тщательно следя, чтобы эта мысль не отразилась на лице.

А Женька, зараза этакая, видела же, что люди сидят вдвоем и столик выбрали в стороне от других, стало быть, хотят поговорить без помех.

Вроде бы помнила по школе, что не была Женька полной дубиной, до которой такие тонкости не доходят. Глеб, однако, слушал Женьку внимательно, вопросы задавал по существу. Та вроде бы интересно рассказывала про путешествия, про то, как бывает в разных местах, и все потом в своем блоге описывает.

А когда наконец Женька отвязалась, то уже кофе принесли, а потом Глеб на работу затопился.

Так Марине и не удалось ему про деньги напомнить.

Так что получается, что она отдыхает сейчас вдвойне за собственные деньги... Хорошо, что мать не узнает...

Мысль о матери помогла отвлечься от мыслей о Глебе.

Марина встала, приняла душ.

В голове окончательно прояснилось, но она все еще не могла определиться, что с ней случилось накануне вечером.

Перед ее глазами нет-нет и появлялся ночной сад... массивное темное здание отеля... залитые лунным светом коридоры и комнаты... силуэт Ариадны в струящихся серебристых шелках, словно сотканных из лунного света...

И – пропасть, усеянная, как зубами дракона, обломками скалы, о которые бьются безжалостные волны...

Все это было слишком ярко и реально, чтобы быть сном, – и в то же время слишком неправдоподобно, чтобы быть реальностью.

Марина оделась и спустилась к завтраку.

Свободных столиков не было, обычно она завтракала рано и теперь растерянно огляделась.

Вот кто-то махнул рукой, и она подседа к господину средних лет, с круглым приветливым лицом, с круглой блестящей лысиной, в круглых позолоченных очках.

В довершение образа на шее у этого господина красовался галстук-бабочка – красный, в крупный белый горошек.

– Садитесь, садитесь! – проговорил господин, освобождая для Марины часть стола. – Вы только вчера приехали?

– Нет, два дня назад, – ответила Марина, улыбнувшись в ответ.

– Третьего дня? – переспросил он.

Марина кивнула, подумав, что так сейчас никто не говорит. Бабушка говорила, кажется... Впрочем, такой старомодный оборот вполне подходит к образу этого господина, с его очками и бабочкой... Марина невольно улыбнулась.

– Надо же, а я вас еще и не ждал... – проговорил он вполголоса и взглянул поверх очков.

Марина взглянула недоуменно: что он хотел этим сказать? Почему вообще он мог ее ждать? Или это такой способ заигрывания?

– Мы разве знакомы? – спросила Марина недоуменно.

– Пока – нет, – проговорил господин в бабочке, затем придвинулся к ней, пригнулся, опасливо оглянулся и проговорил вполголоса:

– Лючия де Ламермур расцвела в этом году раньше, чем обычно.

Марина отшатнулась, удивленно уставилась на своего соседа и переспросила:

– Какая Лючия де Ламермур?

Сосед, кажется, тоже удивился ее словам.

Он отстранился, оглядел Марину, поправил бабочку и проговорил смущенно:

– А вы разве не... ох, извините, я, кажется, ошибся!

– Видимо, да...

Марина увидела, что освободился стол в углу зала, извинилась, взяла свою тарелку и пересела туда, напоследок бросив взгляд на господина с бабочкой.

Тот что-то озабоченно читал в своем телефоне. Марина пожала плечами и занялась завтраком. Потом, ожидая кофе, снова взглянула на дисплей телефона.

Ничего. Она отстучала сообщение, буквально дергая себя за руку, чтобы оно не получилось сердитым. У него ребенок болен, он переживает, это понятно, но ей-то что делать?

«Дорогой, прошу тебя, напиши подробно, что с твоим сыном и какие у тебя планы. Я волнуюсь и скучаю».

Перечитала, вздохнула и нажала кнопку, чтобы отправить. Тут же мобильник пискнул, оповещая, что пришло сообщение.

Марина дрожащими руками схватила телефон, который так прыгал в ее руке, что не сразу удалось прочитать.

Сообщение было от матери.

«Как отдыхается? Погода хорошая?»

Марина только по приезде сообщила ей, что все нормально, гостиница хорошая, море теплое. И теперь вот мать интересуется. Ее можно понять.

Вместо ответа Марина послала ей фотографию куста, что цвел возле входа в гостиницу, писать что-то не было желания. Куст был хорош: большой, усыпанный неизвестными белыми цветами, в общем, производил впечатление.

После завтрака она вышла на крыльцо. Солнце светило вовсю. Мимо пробежали торопившиеся на пляж отдыхающие, кричали дети, смеялись взрослые. Все радовались морю, солнцу, никому не было никакого дела до Марины.

«Что ж, – невольно подумала она, – в этом есть положительный момент». Что ей делать сейчас? Пойти на пляж? Но там столько народу, лучше потом, когда хотя бы мамы с детьми уйдут.

Она пошла по тропинке через сад гостиницы. Тут везде были сады, что-то такое прочитала Марина в проспекте, что в этом месте удивительный климат, мягкий и влажный, что очень хорошо для растений. И верно, сейчас, поздней весной, все вокруг цвело.

Марина снова горестно вздохнула, но тут же одернула себя. Нет, она не станет поддаваться плохим мыслям.

Ночью сад при гостинице казался огромным и таинственным, казалось, что его населяли какие-то сказочные создания. Сейчас это был самый обычный парк, развесистые деревья тянулись к свету, вдоль дорожки цвели яркие цикламены и петунии, стойкими солдатиками выстроились столбики львиного зева – красные, белые, розовые.

Тропинка стала понижаться, она вывела Марину за ограду парка, и впереди распахнулось море – огромное, усеянное белыми кудрявыми барашками волн.

Тропинка стала крутой, она сбегала по каменистому склону к узкой полоске пляжа.

Марина спустилась по ней, осторожно ступая, и пошла вдоль моря по плотному сероватому песку, между облизанных волнами валунов и обломков скалы, похожих на выпавшие зубы престарелого дракона.

Невольно она пошла вправо – туда, где над морем нависал обрыв, на краю которого стояло трехэтажное здание, по углам украшенное островерхими башенками.

В самом облике этого здания ощущалось запустение, медленное, но неуклонное умирание...

Ну да, это ведь тот самый заброшенный отель, в который минувшей ночью Марину привела странная женщина в развевающихся шелках, с необычным именем... правда, ночью, в волшебном лунном свете, это здание казалось величественнее и загадочнее...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.